

Нумер

Москва

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Екатерина Дибрицкая

СЕМЬСОТ КИЛОМЕТРОВ

Екатерина Дибривская

Семьсот километров любви

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Дибривская Е.

Семьсот километров любви / Е. Дибривская — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Одна случайная встреча. Одна страстная ночь. Одно взаимное обещание. Одно идеальное утро. Одни совместные выходные. Одно неизбежное расставание. Она – туристка из Москвы. Он – житель Петербурга. Он не верит в любовь. Она не стремится к отношениям. Она не планирует возвращаться. Он не планирует ждать. Но, вопреки всем убеждениям и препятствиям, их судьбы уже переплетены в одну общую историю невероятно чистой и светлой любви. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Москва	5
2. Питер	7
3. Питер	9
4. Питер	11
5. Питер	13
6. Питер	15
7. Питер	17
8. Москва	19
9. Питер	21
10. Питер	23
11. Москва	26
12. Питер	28
13. Москва	31
14. Питер	34
15. Питер	37
16. Москва	39
17. Москва	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Екатерина Дибривская

Семьсот километров любви

1. Москва

В 5.05 я покидаю пыльный плацкартный вагон, вставляю в уши беспроводные наушники и загружаю приложение с картой. Мой план прост: позавтракать где-нибудь и неторопливо блуждать, заново знакомясь с этим городом.

Сколько лет я мечтала об этой встрече? Не счесть! Ну здравствуй, Питер!

Рассеянно смотрю по сторонам, вдыхая утреннюю влажную прохладу и сонную тишину, непривычно бьющую по невидимым струнам моей души, и ускоряюсь. На перекрёстке на секунду застываю: Невский или Лиговский? Закусываю губу и в последний момент выбираю первый из двух величественных проспектов.

От великолепия Петербурга мои губы непроизвольно растягиваются в улыбку, и, кажется, я так и иду, иногда сверяя маршрут в картах, неприлично счастливая для этого времени суток. Двухчасовой маршрут до Невской губы растягивается на долгое время. Потому что я, жадная до красоты, хочу увидеть всё и сразу, часто останавливаюсь и, переводя дыхание, просто люблю. Невозможно иначе. Не здесь.

Изгибы мостов, отражение солнца и фасадов домов на водной глади, изысканная архитектура, почти европейская, взирающая на меня немного печально. Кто я здесь? Всего лишь песчинка, застывшая во времени. Для этого города с толпами туристов я всего-то очередной пешеход, ничем не примечательная, немного печальная под стать городу на Неве, обыкновенная женщина.

А он, город, дурманит меня до слёз. Чувствую себя той самой песчинкой. Молекулой. Винтиком. Какой-то незначительной частью этого мира. Настолько крохотной, что мир и не заметит моего исчезновения, когда это произойдёт.

Я тороплюсь. Времени немного. А так хочется успеть увидеть всё! Три дня катастрофически мало для первого пункта моего туристического плана. Катастрофически! Но если я смогу вернуться ещё раз, непременно вернусь.

Потому что этот город стоит того. Я чувствую. Я верю. Я знаю.

Ветер с залива срывает первые слёзы из моих глаз. Долго продержалась. Солнце высоко в зените, блестит и отражается. На моём лице широкие очки, а под ними – два обжигающих водопада. Какая же я жалкая!

Я теряюсь на Васильевском острове. Обхожу его вдоль и поперёк, долго стою у стрелки и пытаюсь запомнить этот вид. Рядом со мной молодая пара: девушка сидит на парапете, парень стоит напротив, между её ног.

– Я тебя люблю, – говорит он.

– А я тебя, – со смешком отзывается она и целует его.

Не могу смотреть. После собственного развода чужая любовь отзывается болью в центре моей груди, там, где раньше у меня было сердце.

Этот город оказывает на меня странное воздействие: все мои нервы оголены перед ним. Словно голая стою посреди Дворцовой площади. Беззащитна я перед ним. Душа нараспашку. И впервые в жизни мне не хочется обороняться. Напротив, хочется подчиниться его власти. Быть завоёванной. Захваченной. В этом городе чувствуется сила, которой невозможно сопротивляться. Хочется тут же перевезти все свои вещи и остаться здесь навсегда.

Сегодня я хочу увидеть белые ночи и разводные мосты. Возможно, если я решусь, я буду гулять всю ночь. Или просто вызову такси и поеду в гостиницу.

Я решаю скоротать время в баре неподалёку от Дворцового моста. На этот особенный вечер в недрах моего рюкзака припасены лодочки и немнущееся платье, и я переодеваюсь в туалете какого-то торгового центра. Жизнь всего одна, верно? И я желаю встретить первую белую ночь в своей жизни во всеоружии.

Поэтому мой дневной наряд вместе с лёгкими кедами занимают место в рюкзаке, а я облачаюсь в свой вечерний наряд. Тут же я наношу макияж и приглаживаю волосы. По-хорошему мне нужно было бы принять душ в гостинице и оставить там свой рюкзак, но я не хочу терять ни минуты своего путешествия.

Я навешиваю на лицо улыбку, нажимаю кнопку видеовызова и болтаю со своей семьёй. Я хочу, чтобы они видели меня такой: красивой и счастливой. Знали, что я ни на секунду не жалею о сделанном выборе.

– Мама, ты скоро приедешь?

– Успею отвести тебя в школу, – улыбаюсь я, сдерживая слёзы.

– Хорошо, я сделаю все уроки сама.

– Умница! Я люблю тебя! Если тебе нужна будет помощь, пришли фото с заданием, и я помогу. Ладно?

– Хорошо! Я люблю тебя, мам!

– И я тебя, мышка!

Некоторое время я возвожу стены внутри себя, а потом резко выдыхаю и иду в бар.

До развода мостов ещё так много времени! Но я неспешно ужинаю, а потом перебираюсь к барной стойке и решаюсь на бокал вина. Гулять так гулять!

Цежу напиток, торопиться мне некуда. Внезапно кожа покрывается мурашками. Всё внутри напрягается. Горячее дыхание опалает мою шею, и я закрываю глаза.

– Привет, – вибрирует во мне сильный голос. – Я хочу угостить тебя...

2. Питер

Пулково встречает солнцем. Кажется, хорошая погода становится тенденцией.

Я включаю телефон и усмехаюсь. Сыновья снова ждут не дождутся своих подарков. И я сажусь на заднее сидение такси и велю водителю ехать к ним домой.

Марина приветствует меня с лёгкой улыбкой.

– Игорёк, они тебя заждались! – она целует мою щёку и гладит свой огромный живот.

– Когда ты уже разродишься? – беззлобно бросаю ей и слышу смех Олега.

– Привет, дружище! – здоровается он. – Мы всё ждём, а она никак!

– Ну, – развожу руки с стороны, – не будет же сидеть вечно.

Олег смеётся и прижимает к себе Марину. Я добродушно улыбаюсь бывшей жене и её новому мужу.

Возможно, кому-то покажется странным наше тесное взаимодействие, но как иначе? Если мы все воспитываем детей, наших с Мариной сыновей, и это весомый аргумент в пользу адекватного восприятия мира.

На исходе нашей совместной десятилетки мы осознали, что между нами нет ничего, кроме детей. Так честно ли держаться за брак? Конечно, нет. Безусловно.

Марина быстро встретила свою любовь. Настоящую. Без условностей. А я в очередной раз понял, что любви не бывает. Я не любил Марину: я был ей благодарен, я её уважал и ценил, я обеспечивал её, я её боготворил. Но любовь?.. Нет. В моём суровом мире просто нет места для любви, чему-то эфемерному и мифическому. Я привык проводить сутки на вышке, на пронизывающих ветрах, при глубокой минусовой температуре. Я – суровый мужик с обветренными руками. Какая, нахер, любовь?

Я провожу с сыновьями несколько часов и тепло прощаюсь со всеми обитателями этого дома. По дороге в свою квартиру на Петроградской стороне я набираю любовнице.

– Сургутский нефтяник вернулся в Питер? – игриво говорит она в трубку. – Хочешь встретиться?

– Не хотел – не звонил бы, – раздражённо бросаю в ответ.

– Я в Сосновом Бору, – вздыхает она, – у мамы юбилей. Я же писала.

Ну сорян, конфетка. Не воспринимаю ненужную информацию.

– Смогу приехать часам к двенадцати?.. – То ли спрашивает, то ли предлагает София.

– Не торопись, – бросаю глухо и отключаюсь.

Возле дома я отпускаю водителя, но стены давят, и я решаюсь пройтись. Ноги сами несут меня в сторону Дворцовой набережной, а там я забредаю в первый попавшийся паб.

Заказываю стейк средней прожарки, бутылку виски и салат. Прозаично, блядь.

За соседним столиком сидит вполне аппетитная конфетка. Блондинка с короткой стрижкой, медленно жуящая своё блюдо.

Я присматриваюсь. Давно не клеил девчонок. Не уверен, что это вообще мне нужно. Вполне могу дожидаться завтра Софию, и она полностью удовлетворит все мои потребности.

Но, когда девчонка встаёт из-за стола, я вижу её стройные ноги в туфлях на высоких каблуках, короткое платье, абсолютно не оставляющее места для фантазий, и... рюкзак. Усмехаюсь, когда она семенит к бару, заказывает бокал вина и медленно цедит его, покачивая ногой.

Внезапная эрекция оглушает. Тонкие пальцы девушки ныряют в волосы, она напрягает бёдра, устраиваясь удобнее на высоком стуле. Я окидываю долгим взглядом приятные изгибы женского тела, будто вылепленного из эксклюзивного мрамора, до того точные и совершенные, что я понимаю – хочу. Хочу снять её на сегодняшнюю ночь.

Подхожу ближе, чувствую лёгкий запах цитруса, чувствую запах женского тела, вдыхаю глубже, испытывая болезненную тяжесть в мошонке.

– Привет, – выдыхаю ей в волосы. Кожа на её шее покрывается мурашками. – Я хочу угостить тебя.

Она медленно оборачивается с удивлённой улыбкой.

– Боюсь, что вы безнадёжно опоздали, – она кивает на свой бокал.

Я присаживаюсь рядом.

– Планируешь ограничиться одним?

– Живу моментом, – тонкие плечи передёргиваются, и она отворачивается.

Делает щедрый глоток.

Игнорирует моё присутствие.

– Игорь, – представляюсь ей.

Она бросает на меня быстрый взгляд.

– Арина.

Она отпивает снова и улыбается. В бокал.

– Я планирую увидеть разводку Дворцового, – поворачивается ко мне, – и белые ночи.

– Я планирую угостить тебя вином, показать тебе разводку Дворцового и белые ночи, – моментально ориентируюсь я. – И отвести тебя к себе.

– Тогда нам по пути, – улыбается она мне.

3. Питер

Она мягко смеётся. Сила моей эрекции сейчас может сравниться разве что с монолитом этого здания.

Последний час мы сидим за моим столиком и ждём подходящего времени. Я знаю, во сколько нужно прийти на набережную, чтобы занять лучшие места. А она слушает мои рассказы очень внимательно и постоянно смеётся.

В её руках до сих пор греется тот самый первый бокал вина, а я забыл про заказанную бутылку. Мы говорим ни о чём и обо всём сразу.

Она из Москвы. Туристочка. О себе рассказывает неохотно, зато всячески выказывает уважение к моему родному городу. Слушая её, я восхищаюсь. Не городом, вовсе нет. Ею.

Арина постоянно бросает взгляд на часы, словно куда-то торопится. Боится пропустить. И я заражаюсь от её нетерпения. Расплачиваюсь по счёту и зову её следовать за мной.

Она намного моложе меня. Яркая, красивая. Часто в смущении прикрывает лицо рукой, стесняясь озарять мир своей улыбкой.

А я хочу видеть её улыбку.

Необъяснимо, но факт.

И впервые в жизни я не хочу сопротивляться такому сильному желанию. Эту женщину я хочу так, как не желал ещё ни одну другую. Разум пытается урезонить: это не нормально. Форменное безумие. Но все остальные чувства вопят наперебой: хочу, хочу, хочу! Даже если она откажет мне сегодня, я всё равно однажды получу её. Потому что хочу получить её.

Я беру её за руку и веду к самому удачному месту на набережной. Проталкиваю вперёд через толпу. Долгие минуты до разводки Арина смотрит на воду. Её плечи дрожат, и я набрасываю на неё свой пиджак.

– Арин, замёрзла совсем, – несильно сжимаю её плечи.

Она с благодарностью улыбается в ответ, коротко бросив взгляд в мою сторону.

Последние минуты ожидания я снова провожу на одной волне с этой женщиной, жадно всматривающейся в опоры моста, словно непостижимым образом они растворятся во времени и пространстве.

– Смотри, – шепчу ей в волосы, подходя ближе, – начинается.

Мои руки ложатся по сторонам от её талии. Я внимательно смотрю на её лицо: эмоции мелькают так живо, что я невольно перевожу взгляд на поднимающиеся своды моста. Столько раз видел, а сейчас словно впервые смотрю. Рука девушки ложится поверх моей, отправляя нервную дрожь по венам. Кровь кипит и циркулирует. Я напряжён всем телом.

Переплетаю наши пальцы, вторая рука ложится на её живот и притягивает женское тело прямо к эрекции. Она откидывает голову на моё плечо.

На каблуках она всё равно ниже меня ростом. Трогательная тростиночка. Губы приоткрыты, а глаза безотрывно смотрят на мост.

– Хочу поцеловать тебя, – опаляю дыханием её ушко, провожу языком по мочке и втягиваю её в рот.

Аккуратный золотой гвоздик охлаждает. Тонкие пальцы стискивают мою руку. Тихий стон звучит как проклятие, но гаснет в шуме ночного города.

Арина медленно поворачивается в моих руках и закидывает руки на мои плечи.

– Отведи меня к себе домой, – шепчет прямо в губы, прежде чем поцеловать.

Она первая целует меня. Мягко, нежно, неторопливо, но постепенно наращивая интенсивность. Первые мгновения я отдаюсь на её волю. Наслаждаюсь. А потом включаюсь в эту игру и перехватываю ведущую роль. И я словно поймал мечту за хвост. Поцелуи никогда не приносили мне столько удовольствия. Я целовал женщин больше потому, что им это нравится. Но с Ариной я теряюсь в ощущениях и во времени. Люди вокруг сменяются и уходят. По Неве проходят суда. По набережной проезжают машины. А моя жизнь в настоящее время сосредоточена в её поцелуях.

Она самозабвенно отдаётся ласкам. Ласкает меня. Её руки везде. Касаются моего лица, волос, скользят по плечам и груди, обхватывают лопатки, гладят спину, коротко сжимают ягодицы.

Когда маленькая ладонь ложится поверх набухшей ширинки, я готов взорваться. Благо, створки моста медленно ползут вниз, и я отрываюсь от Арины, подхватываю с земли её рюкзак и беру за руку.

– Я живу на той стороне, – киваю в сторону моста.

От Дворцового идти дольше, но мне необходимо немного успокоиться. Самую малость. Лишь привести в порядок свои мысли и сбивающийся ритм сердца. Зашкаливающий пульс дребезжит в ушах.

Нужно было вызвать такси, но мы идём пешком, минуя Стрелку Васильевского острова. Арина мельком смотрит на колонны. Наверно, я должен предложить остановиться и осмотреться, но не предлагаю, а она не высказывает желания задержаться здесь. Веду её вдоль набережной, хотя дворами ближе.

– Погоди, – внезапно говорит Арина, и я думаю, что сейчас она даст заднюю.

4. Питер

Девушка шумно выдыхает и выпаливает:

– Я должна предупредить: моё тело не в лучшей форме, всё-таки мне тридцать. Грудь не имеет прежнюю упругую форму из-за длительного кормления. И у меня есть растяжки и целлюлит...

От этого неожиданного признания я останавливаюсь.

– Тебе тридцать? Выглядишь моложе, – хочется рассмеяться, но держу себя в руках. – Мне тридцать восемь, и меня не остановят растяжки и целлюлит. – Сейчас меня вообще ничего не остановит, но спросить нужно: – Ты замужем?

Она чуть заметно морщится.

– В разводе. А ты женат?

– В разводе, – киваю ей и мягко тяну за собой, продолжая движение.

Едва переступив порог квартиры, я притягиваю её к себе и целую. Подхватываю под бёдра и устраиваю на своей талии. Она не разочаровывает, сплетая ноги в туфлях за моей спиной. Наощупь иду в сторону спальни, попутно щёлкая выключателями.

Но стоит мне рухнуть на кровать, нависая над возжеленным телом, девушка замирает.

– погоди, – думаю, что теперь она точно включит заднюю, – могу я сначала сходить в душ?

– Конечно, – выдыхаю я и достаю из шкафа чистое полотенце.

Пока она освежается, я решаю не терять времени зря: скидываю костюм, достаю из тумбочки вскрытую давно упаковку презервативов, застываю у окна, глядя на серое ночное небо.

Арина подходит неслышно. Целует мельком местечко чуть правее левой лопатки, запуская всевозможные процессы в моём теле. Резко обернувшись, на мгновение теряюсь – без каблучков она ниже меня сантиметров на двадцать. Но в следующее мгновение полотенце падает к ногам, обнажая женское тело, и я жадно осматриваю её.

Насчёт того, что её фигура пребывает не в лучшей форме, она явно погорячилась. Да, грудь не такая высокая, как у юной девушки, да, живот, иссечённый снизу шрамом от кесарева, не идеально плоский, но это не портит её. Ни в коем разе.

– Ты прекрасна, – говорю ей, и она жмурится от удовольствия.

– Спасибо, ты тоже, – улыбается и выжидательно смотрит на мои боксёры.

Со смешком сбрасываю их. Её широко распахнутые глаза, пожалуй, лучший комплимент.

– Богатый размер, – нервно выдыхает она. – Будь, пожалуйста, аккуратнее. У меня давно не было...

– Я позабочусь о тебе, – обещаю Арине и подхожу ближе.

Девушка пахнет моим гелем для душа. Это странно, очень. Но неожиданно заводит меня ещё сильнее. Я с лёгкостью приподнимаю её и укладываю спиной на кровать, накрываю

вая своим телом. Мягкий неторопливый поцелуй становится жёстким и нетерпеливым. Касаюсь пальцами влажных складок, и она напрягается. Она переживает зря. Сила её возбуждения немыслима. Мои пальцы буквально утопают в обжигающем сиропе, её тело выгибается дугой навстречу самым незамысловатым движениям.

Я раскатываю презерватив и медленно вхожу, позволяя ей привыкнуть к размеру. Арина всхлипывает и закрывает глаза.

– Посмотри на меня, – прошу её, ускоряясь.

Я хочу видеть её глаза, когда она стонет, приближаясь к своему первому оргазму. Она подчиняется, кусая губы.

– Не сдерживайся, – говорю ей и резко вхожу до основания.

Ловлю губами её крик. Вколачиваюсь, не щадя. От влажных хлюпающих звуков и её стонов я чувствую себя так, как не чувствовал... Ни разу. Мне однозначно нравится её реакция на секс. Её отзывчивость на ласки. То, как идеально мы совпадаем. Мне чертовски нравится, как она упирается пятками в мои ягодицы, как обхватывает меня, прижимаясь ближе, как захлёбывается стонами. И то, как пульсирует и сжимается вокруг меня, кончая.

Подхватываю её обеими руками и переворачиваюсь. Теперь она сверху. Моментально ловит нужный ритм, скользя туда и обратно. Её грудь раскачивается в такт движениям, и я зависаю на виде её напряжённых сосков. Тяну девушку к себе, вбирая в рот поочерёдно каждую из круглых бусин.

– Я сейчас... – удивлённо шепчет она.

Обхватываю её бедра, приподнимая, и начинаю сам вбиваться в её тело. Вместе с её пронзительным криком, я, глухо простонав, опустошаюсь.

Некоторое время она переводит дыхание, тяжело дыша в мою шею. Аккуратно соскальзывает с члена и садится ко мне спиной.

– Вызовешь мне такси? – безразлично спрашивает Арина.

5. Питер

В первое мгновение я хочу рассмеяться, как удачной шутке. Но что-то подсказывает мне, что она не шутит.

– Арина?..

– Ты не думай, мне всё очень понравилось. Спасибо. Это было великолепно, – эмоционально произносит она. – Просто, думаю, так нам обоим будет проще. Чтобы избежать утреннего дискомфорта при виде друг друга.

Время что-то около шести утра. Вчера я, не задумываясь, поступил бы именно так с любой случайной девушкой. Я поступал так даже со своей постоянной любовницей, не обременяя себя и её вынужденным и заведомо провальным продолжением вполне удачного вечера. И я знаю, что должен поступить так с ней. Но всё во мне протестует. Я слишком устал, чтобы заниматься самокопанием и разбираться в неожиданных решениях, но в этот момент одно я знаю точно.

– Арин, не выдумывай, – сажусь и бегло целую её плечо. – Останься со мной.

– Ты уверен? – она серьёзно смотрит на меня.

Уверен ли я? На все сто. Хочу, проснувшись, снова заняться с ней сексом. А потом ещё раз – в душе.

– Я хочу, чтобы ты осталась.

Она улыбается, но глаза остаются серьёзными.

– Хорошо.

Я тяну её к себе, и мы оба устраиваемся удобнее. Тесно жму её к своему телу, зарываясь лицом в волосы, вдыхаю сладкий женский запах с цитрусовой ноткой и проваливаюсь в сон.

Утро выдаётся хмурым. По подоконнику стучат капли дождя, отбивая свой собственный ритм. В пустой постели холодно.

Туристочка после непродолжительных поисков обнаруживается в кухне. Она стоит у распахнутого окна в моей рубашке, накинутой на голое тело. Я подхожу сзади и обнимаю её.

– Дождь пошёл, – тихо говорит мне.

– Не любишь дождь? – не понимаю я.

– Я не брала зонт, – отвечает рассеянно.

От её трогательного вида и нелепых слов на моём лице расплывается улыбка.

– Это же Питер, Арин.

– Я всегда думала, что это глупости. Такая чудесная погода стояла... А тут – дождь.

Она накрывает мои руки своими. Её пальцы ледяные. Неосознанно прижимаю её сильнее, крепче, ближе к себе. Хочу согреть.

– Совсем замёрзла, Арин, – бросаю с укором и закрываю окно. – Дался тебе этот дождь.

– Я планировала посмотреть город, – тоска в её голосе настолько искренняя, что я перестаю дышать.

Мысль, возникшая в моём сознании, пугает до чёртиков. Но другая мысль, пришедшая следом, оглушает, выбивая почву из-под моих ног.

– Я покажу тебе город, Арин. Просто скажи, что хочешь увидеть. Я отвезу тебя. И у меня есть зонт. Большой и надёжный. А если хочешь, мы просто поедem в пригород и будем ехать, пока дождь не прекратится...

Она напрягается, задумывается на мгновение, и я снова ловлю волну её напряжения. Мысленно умоляю её не отказываться. Потому что, если она скажет «нет», мне придётся её отпустить. И, если она уйдёт, я больше никогда её не увижу. Почему-то я уверен в этом.

– Хочу, Игорь, – тихо произносит девушка, расслабляясь в моих руках.

– Хорошо, – расслабляюсь и я и целую её висок.

Звучание моего имени на её губах мягкое, нежное. Мать всегда говорит, что моё имя под стать моему характеру: жёсткое и своенравное. Игорь Аркадьевич Щедрин. Слишком много «р». Но Арине удаётся смягчить его произношение. Думаю, потому что у неё самой достаточно твёрдое имя.

Задумавшись, я даже не сразу понимаю, что она продолжает говорить.

– Могу я попросить тебя, Игорь?..

– Конечно, – беспечно отзываюсь в ответ. – Проси.

Она отстраняется, поворачивается ко мне лицом и внимательно смотрит прямо мне в глаза.

– Обещай, что не влюбишься в меня.

6. Питер

Какая же она забавная, эта Арина! Цепляет своей трогательностью и наивностью. Ей точно тридцать? Разве можно в таком возрасте с таким серьёзным лицом говорить такие вещи случайному любовнику?

Да, я решил провести с ней выходной. Мне понравилось заниматься с ней сексом, девушка недурна собой, интересна в качестве собеседника. Почему нет?

Но влюбляться? Сейчас я уверен, что вообще никого не любил. Даже Маринку. А она, на секундочку, мать моих детей. И если уж я не смог найти в себе этого чувства по отношению к ней, то что уж говорить о моей новой знакомой! Я однозначно не планирую влюбляться в кого бы то ни было. О чём и говорю девушке.

– Это хорошо, – довольно улыбается она. – Я тоже обещаю не влюбляться в тебя, Игорь. Я хочу ответить, что...

Всё становится неважным, потому что она встаёт на цыпочки и целует меня. Её холодные пальцы ласкают мою плоть, разжигая огонь безумного желания. Я закидываю её на плечо, и она смеётся. Её смех ласкает мою душу, пока она не охает и не затихает: я вставляю в неё пару пальцев. Она готова. Она хочет меня. Также сильно, как я желаю очутиться в чертогах её тесного рая.

Часа через полтора я увлекаю её в душ. Мы выпили по чашке кофе с невесть откуда взявшимися на полке кухонного шкафа круассанами. Возможно, я однажды купил их для детей или София принесла для себя.

Арина сидела, закинув ступни на меня, прижимая их к моему животу, потому что у неё замёрзли ноги. От каждого движения крохотных пальчиков с алыми блестящими ногтями я хотел стонать, потому что это оказалось невыносимо приятно и отзывалось спазмами в паху.

Под горячими струями воды Арина отогрелась. На щеках появился румянец, и она заразительно улыбалась. За последние десять часов я и сам улыбался больше, чем за прошедший год. С непривычки даже щёки разболелись.

Звонок в дверь сгоняет улыбку с моего лица. Кого чёрт принёс в это прекрасное время? Я никого не жду. Всё, что меня сейчас интересует, уже находится прямо рядом со мной.

– Я быстро, – обещаю девушке и коротко целую распухшие губы.

Завёрнутый в полотенце, я распахиваю дверь. София.

– Здравствуй, Игорь, – тараторит она, протискиваясь в коридор. – Я с утра вернулась от мамы и сразу к тебе. Думаю, ты же соскучился, может, проведём вместе выходные? Наверстаем упущенное...

В её руках дорожная сумка со сменной одеждой. Она всегда приезжает с ней. И никогда не пользуется. Потому что у меня никогда не возникало желания встретить с ней утро.

София опускает взгляд и замечает женские туфли. Я легко читаю мелькающие мысли, отражающиеся на её лице.

– Ты не один, – с упрёком говорит она.

Не спрашивает.

– Не один.

– Она осталась до утра, – снова не вопрос. – Какая же ты сволочь, Щедрин! Я потратила на тебя четыре года! Думала, ты привыкнешь и сделаешь мне предложение. Как минимум, съехаться! Меня ты выставлял сразу: лето, зима, дождь, снег... Ты ни разу не позволил мне остаться на ночь в своей постели.

– Сонь, я ничего тебе не обещал, – напоминаю ей.

– А ей? – София со злостью тыкает пальцем мне в грудь.

– А ей – обещал, – усмехаюсь в лицо любовнице.

И ведь даже не вру! Пусть думает, что хочет. Мне всё равно. Я уже заведомо знаю, что больше никогда не позвоню этой женщине. Планы она строила! А мне оно надо?

В ванной выключается душ. София напрягается.

– Тебе лучше уйти, – говорю ей.

– Игорь, – слышу смеющийся голос Арины, – ты забрал полотенце. Ты скоро? Захвати, пожалуйста, моё, очень тебя прошу!

– Уже иду, – отзываюсь в ответ, – принесу, включи пока воду, замёрзнешь!

София поджимает губы и смотрит на меня со странной смесью любопытства и ненависти. В ванной снова начинает шуметь вода.

– Сонь, уходи, – тихо прошу я.

– Я же больше не приду, ты понимаешь?

– Я больше не позову, – киваю в ответ, и она наконец уходит.

Я подхватываю в спальне ещё одно полотенце для Арины и возвращаюсь в ванную.

Она стоит, упёршись руками в блестящий прохладный глянец кафеля, по её лицу с закрытыми глазами струится вода. Я захожу в кабинку и прижимаю её тело к себе. Проникаю сразу на всю длину. Жадно вдыхаю аромат её возбуждения. Её спина прижата к моей груди. Мои руки крепко держат её: левая фиксирует живот и ласкает чувствительные складки, правая сжимает мягкую грудь и ласкает сосок.

– Ты забыл защиту, – шепчет между стонами Арина.

– Не думай об этом, я выйду вовремя, – я посасываю нежную кожу на её шее.

Чувствую, что она близка. Дыхание сбивается. Девушка откидывается на моё плечо. Её эластичные мышцы заходятся в спазмах. Влажные хлопки пошло разносятся по ванной комнате, заглушая звук падающей воды. Глубокий стон перетекает в меня через грудную клетку, сотрясает все внутренности, пробирает до костей.

Я достаю член и обильно кончаю на её бедра, грубовато повернув её лицо для поцелуя.

Идеальное утро идеального дня.

7. Питер

В Петергофе тучи наконец разрывает, и даже выглядывает солнце. Арина вышагивает по поребрику, крепко вцепившись пальцами в мою руку.

– Погода благоволит к тебе, – не могу сдержать усмешку.

Её кеды давно промокли, но она счастливо улыбается в ответ на мои слова. Она останавливается, и я подхожу ближе. Она упирается руками в мои плечи. Хочу поцеловать её и не сдерживаю своих желаний.

Обхватываю за талию, отрываю от земли и целую. Моя рука скользит ниже, на её ягодицу, и сжимает, вызывая протестующий стон. Арина смеётся, едва оторвавшись от моих губ.

– Отпусти.

– Не хочу, Арин, – признаюсь ей, но всё-таки отпускаю.

Придерживаю, пока она снова крепко не стоит на ногах.

– У меня двое сыновей, – говорю ей чуть позднее. Мы любимся видом на залив со смотровой площадки. – Никита и Мишка. Двенадцать и восемь лет.

– У меня десятилетняя дочь Катюша, – отзывается Арина и замолкает.

Я физически ощущаю, как она замыкается.

– Не хочешь говорить о детях? – спрашиваю, и она переводит на меня свой внимательный взгляд.

– Не думаю, что нам стоит говорить о личном. – пожимает плечами.

Смотрю недоверчиво. Самая странная девушка на планете стоит рядом и добродушно улыбается мне. Словно знает большой секрет, страшную тайну, о которой мне пока невдомёк.

– Ты спала в моей постели, кончала от моего члена, – лукаво улыбаюсь, склоняясь над её лицом. – И будешь кончать ещё, Арина. Это – личное. Ты рассказала мне, где работаешь, чем живёшь, а я – рассказал о себе. Это – тоже личное.

– Семья – это другое, – запальчиво говорит мне. – Зачем тебе слушать о моём муже или ребёнке?

Мне и вправду незачем. Учítывая, что завтра она вернётся в Москву, в свою жизнь, а я останусь здесь, пока на вышке снова не произойдёт какой-нибудь коллапс.

– Ты бы понравилась моим детям, – я отвожу взгляд в сторону залива.

– А ты бы понравился моей дочери, – еле слышно отвечает Арина. – В другой жизни...

Она с лёгкостью отрывается от парапета и отходит от меня. Я зависаю, разглядывая её пышную юбку, покачивающуюся на аппетитной попке. Догоняю. Ловлю её руку и переплетаю наши пальцы.

– Я развёлся пять лет назад, но мы поддерживаем хорошие отношения, – говорю ей. Она закатывает глаза и криво улыбается. – Пойдём по этой аллее, там красиво.

– Мы расстались полтора года назад, но эта не та тема, о которой я хочу говорить. Слишком болезненно вспоминать...

– И не надо, не вспоминай, Арин, – отмахиваюсь я. – Расскажи лучше, что тебе нравится...

Мы гуляем до позднего вечера. Арина удивлённо смотрит на часы и ахает. Белые ночи коварны. Ты теряешься во времени.

– Мне всё ещё нужно забрать у тебя свои вещи, – говорит она за ужином.

Я за рулём, она от вина отказалась. Ест с удовольствием, калории не считает. Мне нравится такое отношение. София постоянно сидела на диетах.

– Завтра перед поездом заберёшь, – отвечаю ей. – С утра успеем погулять ещё. Решай, куда поедем. А вечером я отвезу тебя на вокзал.

Произношу эти слова легко, стараясь не обращать внимание на привкус горечи, который оседает на языке, обволакивает гортань и спускается в область сердца. Туристочка смущённо улыбается. Шепчет одними губами: «Спасибо».

По пути домой я заезжаю в аптеку. На удивлённый взгляд девушки лишь туманно улыбаюсь. Вручаю пакетик, и она заглядывает внутрь.

– Ультратонкие? Сверхчувствительные? Да вы, сударь, эстет! – усмехается она.

Мне понравилось чувствовать её без преград, но она права – я не имею права рисковать ею ради собственного удовольствия.

Я начинаю целовать её ещё на лестнице. Нетерпеливо подхватываю на руки, пока она вздыхает мне в шею, преодолеваю последние ступеньки и открываю дверь.

Сразу заносу её в спальню. Стягиваю с её ног сырую обувь и носки, растираю ступни ладонями, постепенно поднимаясь выше. Снимаю трусики и ныряю под юбку.

Первый раунд остаётся за ней. Невозможно удержаться. Невозможно отказаться от оральных ласк, когда она так откликается на каждое движение моего языка. Её вкус пьянит меня сильнее виски. Её крик удовольствия звучит лучше самой популярной музыки.

Арина сама вскрывает зубами пакетик и раскатывает презерватив, а потом устраивается сверху. Я сижу на кровати, она сидит на мне. Медленно скользит. Чувственно целует. Её соски трутся об мою грудь. Мои руки поддерживают её спину. Её чувствительный клитор трётся об меня, пока член воздействует изнутри на все нужные трепетные точки, приближая её к агонии.

Она откидывает голову назад. Короткие светлые волосы касаются кончиков моих пальцев. Девушка замирает. Я пропускаю пальцы через её волосы и оттягиваю их вниз, открывая для себя большой доступ к её шее. Ласкаю языком голубые венки на тонкой и нежной, почти прозрачной коже, и она взрывается в моих руках.

Мне не нужны дополнительные фрикции. Нескольких сильных сокращений её податливых стенок вокруг моей плоти оказывается достаточно, чтобы я отправился следом за ней.

8. Москва

Закатное солнце отражается ото всех стеклянных поверхностей. Я останавливаюсь посреди перрона и нерешительно поворачиваюсь к Игорю.

– Мой вагон, – киваю в сторону поезда.

Через двадцать минут я навсегда переверну эту страницу.

– Спасибо, Игорь, – я смотрю в его глаза. – За всё. Эти выходные останутся моими лучшими воспоминаниями. Спасибо, что показал мне так много! Сама я бы не успела...

– Иди ко мне, – мягко перебивает он.

Его объятия распахнуты для меня, и я ныряю в них без лишних раздумий. Пытаюсь запомнить его запах, уверенное движение его руки на моей спине, в моих волосах. Не люблю долгие прощания, поэтому коротко обнимаю его сильное тело, сладко целую и шепчу в самые губы: «Прощай».

Подхватываю свой рюкзак и торопливо отхожу в сторону проводницы.

– Арин! – кричит мне вдогонку мужчина. – Мы когда-нибудь встретимся снова?

Делаю глубокий вдох и не решаюсь сказать правду. Медленно оборачиваюсь и заставляю себя улыбнуться:

– Если ты однажды в пятницу увидишь меня в том же баре, я позволю тебе угостить меня вином! – Он смеётся в ответ на мои слова.

Я машу ему рукой и протягиваю паспорт с билетом проводнику.

– Я дожусь, Арин! – летит мне в спину.

Я бросаю рюкзак на полку и подхожу к окну. Игорь стоит на том же месте, засунув руки в карманы брюк, но, увидев мой силуэт, медленно подходит и становится напротив меня.

Поезд, вздрогнув, трогается. Я прижимаю пальцы к стеклу и говорю одними губами: «Спасибо! Прощай!». Слёзы обжигают моё лицо, и он хмурится. Читаю по его губам: «До встречи» и улыбаюсь сквозь слёзы.

Монотонные действия отвлекают. Я застилаю полку, достаю книгу, но не могу читать. Даже дышать не могу. Потому что я, глупая-глупая Арина Сергеевна тридцати лет от роду, только что оставила на перроне Московского вокзала своё глупое-глупое сердце.

Я старательно засовываю впечатления от поездки в самую глубину своей памяти. Не могу думать об этой удивительной, случайной встрече, об этом нелепом, несвойственном мне поведении, о знакомстве с таким замечательным мужчиной.

Умный, интеллигентный, щедрый, красивый, сильный... Он отнёсся ко мне с таким особым вниманием, что, конечно, я не смогла сдержать собственного обещания. Глупая, романтическая до невозможности девчонка!

Первую неделю я разрываюсь между языковой школой дочери и сменой на своей удалённой работе. На выходные мы с Катюшей уезжаем к моим родителям на дачу, и я морально готовлюсь к этому.

Но обороняться мне приходится раньше: в пятницу неожиданно-негаданно в квартиру заявляется бывший муж. Я знаю, что он имеет полное право быть здесь, навещать дочь, общаться со мной – несмотря ни на что, я стараюсь поддерживать с ним связь. Но это не отменяет того простого факта, что я никогда не смогу принять и простить его решение.

Я перемываю посуду после ужина, предоставляя им двоим возможность подурачиться без меня. Но мужу, очевидно, хочется получить и немного моего внимания. Он приходит в кухню и обнимает меня. Всё во мне кричит и сопротивляется.

– Соскучилась, Ариш? – Он сдвигает в сторону плечико моего халата и целует оголённую кожу.

– Нет, – я выключаю воду и изворачиваюсь, чтобы посмотреть в его лицо. – Ничего не будет.

– Я останусь, – не слышит он меня. – Катюша ляжет, а мы...

– Я больше не буду с тобой спать. Мы давно разведены, не нужно больше пересекать эту черту. Ограничимся общением по вопросам воспитания нашего совместного ребёнка.

– Ну что ты начинаешь, а? Как будто я не понимаю, что ты сходишь с ума от одиночества! Придумала себе эти путешествия, словно они могут что-то исправить. – он кривится. – Я могу иногда приезжать по старой памяти. Мы ж не чужие друг другу люди. У меня пока нет постоянной женщины, ты...

– Тебе не тошно от самого себя?

– Мать звонила. Она переживает, Ариш. За твоё состояние переживает. Мы все переживаем, Ариш.

– За беспокойство спасибо, с родителями я повидаюсь завтра. Свои планы засунь себе... Куда хочешь. Спать я больше с тобой не буду. И я тебя больше не люблю. Можешь не переживать, вешаться на тебя больше не стану. Упрекать и обвинять – тоже. Было и было. Живи дальше с чистой совестью, только Катюшу не забывай.

– Ариш, ты как с цепи сорвалась! Я ж тебе помочь хочу, жизнь скрасить... Ты не должна оставаться одна...

– Да лучше одной, чем с иллюзией прежней жизни! Я устала, понимаешь? Ты считаешь, мне может стать лучше от знания, что ты бросил меня, а теперь как ни в чём не бывало ходишь заниматься сексом, потому что у тебя сейчас нет постоянной женщины?!

– Ладно, не кипятись, – он раздосадовано качает головой. – Я улетаю в командировку в ХМАО. Дней на семь-десять. Не скучайте тут, ладно? Если что-то нужно будет, позвони, не геройствуй, ладно?

– Хорошо. Удачи.

Он не задерживается надолго. Теперь мне кажется большой глупостью спать с бывшим мужем просто ради галочки. Быстрый перепих по старой памяти с мужиком, который досконально тебя знает, – это жест отчаяния, а не доброй воли. И теперь, после поездки в Петербург, я не смогу снова позволить бывшему коснуться меня. Мне... противно.

9. Питер

Когда поезд увозит Арину в её настоящую жизнь, я медленно еду домой. Салон ещё хранит запах цитруса. На сидении осталась пара светлых волос.

Дома – смятые простыни, пропитанные запахом страсти, влажное полотенце на полу, чашка с недопитым кофе на прикроватной тумбочке, яркая резинка для волос на раковине в ванной и пронзительная тишина. Вот и всё, что оставила после себя моя гостья.

И вроде всё как обычно, как привычно в моей жизни, но неожиданно меня мучает бессонница. А в утренние часы, скованные мучительным кошмаром, мне снится пустой перрон Московского вокзала.

Тьфу, что за глупость? Ну запала туристочка мне в голову. Тяжело перестроиться. Но пройдет немного времени, и всё забудется. А пока тяжело.

В офис я приезжаю с опозданием, срываюсь на отдел логистики, собственную секретаршу, информационную службу. Настроение на нуле. Сначала я даже решаю, что мне жизненно необходимо заняться сексом, но... Я не хочу.

Точнее, хочу. А Арину. А другую – не хочу. Блядь! Видимо, мне действительно нужно немного времени.

В четверг Марина отправляется в роддом, и я забираю пацанов к себе. Мишка ползает по спальне и неожиданно прибегает ко мне в кухню, где я провожу онлайн-совещание с управлением нефтяной вышки.

– Пап, я нашёл сокровище, – с огромными глазами оповещает меня сын. – Настоящее.

Передо мной небольшой золотой гвоздик с бриллиантом. Арина уверяла, что потеряла серёжку в душе и что она ускользнула в слив. «Ничего страшного, Игорь, – сказала она. – Я так часто что-нибудь теряю, что однажды просто перестала забивать этим голову!»

В голове яркой вспышкой всплывают воспоминания: её смех, её поспешный отказ от покупки новых серёжек, которые я всё-таки купил и самолично вдел в её мочки, её губы, прижимающиеся к моим, она сверху, она подо мной, она в душе, кончающая от моих рук... Невыносимо.

– Пара минут, – бросаю я в камеру и беру сына за руку.

– Мишка, молодец! Это сокровище потеряла принцесса, когда я спас её... хм... от ледяного дождя... Ей нужно было... переждать его, и я пригласил её к себе в гости.

– Здорово, пап, – ухмыляется Никита, не поднимая головы от планшета. – Хорошо, что в Питере не завелись драконы.

– А ты меня познакомишь с настоящей принцессой? В каком дворце она живёт? Она пригласит нас в гости? Хоть бы она жила в том, что с золотыми анфиладами! – сыпет фразами младший Щедрин.

– Мне поработать нужно, Мишка, – я сажусь на корточки, – если получится, я познакомлю тебя с принцессой, но она знакомится только с вежливыми и послушными мальчиками.

Я возвращаюсь за ноутбук, но мысли уносятся совершенно в другом направлении. Они витают где-то в семистах километрах отсюда, в Москве, где в старом районе, усыпанном облетевшими лепестками вишен и яблонь, живёт Арина.

– ... постановили, что проблема в программном обеспечении, вышедшем из строя. Руководство фирмы-изготовителя пришлёт сотрудников для проведения диагностики и исправления обнаруженных ошибок. Они прибудут в понедельник вечерним рейсом и уже во вторник приступят к работе.

– Отлично. Спасибо, Дмитрий, – возвращаюсь обратно в Питер за кухонный стол своей холостяцкой квартиры. – Я прилечу ко вторнику, чтобы проконтролировать процесс.

Надеюсь, Марину выпишут до вторника и мне не придётся напрягать мать дольше, чем мне необходимо.

В пятницу у меня запланирована встреча с инвестором. Кризис больно ударил по нефтяной отрасли, и мне приходится приложить все усилия, чтобы крупный региональный застройщик всего лишь дрогнул и задумался о моём предложении.

Домой я неосознанно возвращаюсь через Дворцовую набережную, паркуюсь у паба. Приказывая себе заведомо не расстраиваться, смотрю в сторону бара и вижу блондинку с короткой стрижкой. Сердце пропускает удар.

И лишь подойдя вплотную, понимаю – не она!

Незнакомка с интересом смотрит на меня. Её губы расползаются в искушающей улыбке, в глазах загорается предложение, большая, явно силиконовая грудь с трудом умещается в декольте. От неё пахнет дерзко и пряно. И она не против скоротать вечер со мной. И, по большому счёту, я в этом отчаянно нуждаюсь: выкинуть из головы все мысли о той, которой они почему-то принадлежат.

Но я разочарованно выдыхаю, разворачиваюсь и еду домой.

Кто же знал, что так будет? Кто же знал, что я действительно буду ждать нашей встречи в том же баре? Кто же знал, что я начну жалеть, что не получил её номер? Не узнал чего-то большего, чем имя?

10. Питер

Сразу с самолёта водитель везёт меня на вышку. В последние дни настроение не раз подводило меня, я стал ещё больше раздражительным и сварливым. Даже моя мать не удержалась и прошла на эту тему. А я всё жду, когда же наконец меня отпустит.

Делегация в составе восьми человек высококлассных техников и программистов уже вовсю трудятся над давшим сбой железом. В принципе, мой прилёт не имел такой уж острой необходимости. Моим работникам вполне по силам разрулить любую проблему. Но Питер сводит меня с ума. Необходимость сменить обстановку давила на все органы восприятия. Я надеюсь, что морок случайной встречи развеется, и я приду в норму.

В конце успешно выполненной диагностики прошу своего управляющего Дмитрия Шульского организовать досуг для делегации. И для себя заодно. Сауна с девками, водка и шашлык – формула моего отчаянного сопротивления. Туристочка в моей голове в очередной раз закидывает ноги на мои плечи. «Будь, пожалуйста, аккуратнее, у меня давно не было...»

У меня давно не было. Две недели я не могу найти в себе сил принять очевидный факт. Я не хочу. Не хочу никого, кто не является забавной смеющейся тридцатилетней странной женщиной. Пора прервать эту гнетущую тенденцию.

В сауне девки хороши как на подбор. Мужики из делегации, да и несколько моих местных сотрудников уже вовсю развлекаются. Не стеснясь. Открыто ласкают обнажённые женские сиськи.

Подзываю жестом одну, с напускной робостью притихшую в стороне от всеобщего веселья. Молча ухожу в дальнюю комнатуху.

Девка напротив молодая. До двадцати пяти. Грубо стаскиваю с неё лиф от купальника. Грудь пока высокая, не потасканная. «Моя грудь не имеет прежнюю упругую форму из-за длительного кормления», – слышится мне. И моментально вижу перед глазами её грудь: роскошную, с тугими розовыми сосками, покачивающуюся от её скользящих ритмичных движений на моём члене. Блядь!

Тяну девку вниз. Член болезненно реагирует на умелые действия профессионального рта. Я закрываю глаза. В моих мыслях холодные пальцы ласкают напряжённую плоть. Маленький острый язык ныряет в мой рот. Я касаюсь влажных складочек, растираю большим пальцем по кругу клитор, обвожу пульсирующий вход. Внезапно она сжимается. Прекращает меня трогать.

«Что-то не так, Арин?»

«Ты же хочешь меня?»

«Да».

«Тогда какого чёрта творишь?»

От неожиданности распахиваю глаза и натыкаюсь на непонимающий взгляд девки из сауны, которая принимает безрезультатные попытки реанимировать мой опавший член. Это, блядь, фиаско!

Пока мужики развлекаются, я выпиваю три рюмки подряд и открываю браузер в моём айфоне. Взгляд невольно цепляется за дату. Пятница. И я думаю, что, если прямо сейчас Арина сидит в том самом пабе и ждёт меня? Я бы не стал покупать ей выпивку. Я бы просто утащил её к себе в квартиру и трахал до потери пульса.

К чёрту Питер! К чёрту все эти мысли!

Набираю в поисковой строке «Арина, 30 лет, Москва» и вижу грёбанный дохулиард результатов поиска. Честным путём мне никогда её не найти. Но всё решаемо, мне ли не знать. Потрясу знакомых на предмет причастности к «РЖД», узнаю, на чьё имя был куплен билет в десятом вагоне плацкарта, найду Арину в её Москве.

«Зачем?» – проносится в голове резонный вопрос.

Ожидаемо, её смеющимся голосом.

От поисков ответа меня отвлекают стекающиеся за стол мужики. Девки за временной ненадобностью отсылаются в комнату отдыха. Наступает время мужских разговоров. Как-то плавно беседа от рабочего перетекает в личное. Тема брачных измен волнует многих присутствующих. И как все мы – разные люди, так и отношение к данному вопросу диаметрально противоположное.

– Я не готов на измену постоянной партнёрше. – хмыкаю я. – Если всё устраивает в постели и регулярности, не вижу смысла. А если нет – тем более. Проще уж сменить партнёра.

– Я жену люблю, – фыркает Дмитрий. – Но темпераменты у нас разные. Изредка мне просто жизненно необходима разрядка на должном уровне. А ты, Игорь Аркадьевич, вообще свободный человек.

– Я был женат, – пожимаю плечами, – в браке ни о чём таком не думал. После развода случались барышни, но долгое время у меня была одна-единственная постоянная любовница. Возможно, возраст уже не тот.

– Я с женой развёлся из-за связи с любовницей. Ох, она и темпераментная была, а стоило съехаться, так превратилась... в копию моей жены, – смеётся Илья, технический гений делегации, – шило на мыло сменил. Только жена, бывшая теперь, добрая и интеллигентная женщина, а любовница – хабалка из Мухосранска. Вот тебе и справедливость.

– А я с женой развёлся, потому что не хочу обманывать и боль причинять, – внезапно подаёт голос один из программистов, Артур, кажется, – у неё диагностировали неоперабельную опухоль. Я крутил, вертел. Блин, ну я здоровый молодой мужчина, а она начнёт увядать, терять силы, отказывать... Сказал ей честно, как есть. Помогать ей не прекращаю, ребёнком занимаюсь, поддержку необходимую оказать всегда готов, но в личной жизни открыт для других отношений.

За столом воцаряется тишина. По правде сказать, я даже представить не могу ситуации, в которой я бросил бы Марину бороться с опухолью в одиночку ради нескольких часов свободного секса без обязательств в неделю.

– Она с пониманием относится к моему решению, вы не подумайте, что я мразь конченная. По первости я даже ночевать оставался с ней. Чтобы ей не так тяжело было привыкать к новой реальности. А теперь, спустя год, она окончательно оправилась после развода, и я действительно готов двигаться дальше. – Он осматривает всех нас, но почему-то останавливается взглядом на мне. – Мне тяжело далось решение о разводе, но и она не оставила мне выбора. Она отказалась от попыток вылечиться. Слишком низкая вероятность успеха. Она решила не тратить время на полноценное лечение, принимает какую-то сдерживающую рост опухоли терапию и просто живёт в ожидании конца.

– Да, чувак, – сочувственно говорит ему более молодой программист Иван, – не повезло тебе. Я свою Эльку силком бы потащил на лечение. Заставил бы. Уговорил. Это не дело – принимать такие решения, бросать близких, семью, детей.

Я хочу поддержать. Я бы Марину тоже отправил на лечение. Нашёл бы лучшие клиники и врачей. Мои сыновья не смотрели бы, как постепенно увядает их мать. Но следующие слова Артура заставляют меня перестать быть эгоистом и посмотреть на жизнь под другим углом.

– Я её понимаю. Потратить два года на агрессивную химиотерапию, лучевую, бесконечные больничные коридоры, вереницу врачей и горсти таблеток, вечные анализы, обследования... Не имея даже гарантии в тридцать процентов, что это сработает, – он тяжело вздыхает, – или относительно прежняя жизнь, те же самые два года рядом с семьёй, дома, занимаясь любимыми делами... Я понимаю её выбор, но не обязан его принимать. Возможно, ей нужна мощная мотивация, чтобы нырнуть в борьбу с болезнью. Так считает психолог, с которым я советовался перед разводом.

– У вас же ребёнок, – удивляюсь я. – Это ли не мотивация?

– Это мотивация бездействовать. Жить прежней жизнью. Чтобы ребёнок был рядом. Не видел мать больной и слабой, на больничной койке, а в конце неизбежно потерял...

– Не уверен, что принял бы такое решение даже от своей бывшей жены, – протягиваю я. – Но не зря говорят, что у женщин мозг устроен иначе.

– Это точно, – подхватывает Дмитрий. – Моя мне прямо говорит: можешь изменять, но чтобы я об этом ничего не знала. И я постоянно думаю: как ниндзя что ли?

Пьяный мужской разговор снова возвращается к теме измен, и я окончательно расслабляюсь. И даже почти не думаю об Арине.

11. Москва

К середине третьей недели я понимаю, что ничего не могу поделать с томлением внутри себя. У Катюши завершаются занятия в языковой школе, и я отвожу её на дачу к родителям.

Мама не понимает, зачем я снова еду на выходные в Санкт-Петербург, если могу отдохнуть на даче, сходить с дочерью на озеро, выспаться, поесть клубники с грядки и позагорать. А я не могу объяснить.

Не могу же я сказать, что мне нужно, жизненно необходимо знать, придёт он в бар или нет. Я хочу, чтобы пришёл, но одновременно не хочу этого. Если он не придёт, мне будет легче вычеркнуть его из своей памяти.

Поэтому я просто молчу, в очередной раз выслушивая, что мне нужно прекратить маяться от безделья и снова наладить отношения с мужем. Он же совсем не против. Зачем усложнять?

Упорство, с которым мои родители отказываются принимать наш развод, меня веселит и пугает в то же время.

Да, мы поженились практически после окончания школы.

Да, у нас есть дочь.

Да, мы прожили душа в душу более десяти лет.

Будто нельзя понять, что вы разные, учитывая даже совокупность этих факторов!

И сейчас, через семнадцать дней с момента моего знакомства с Игорем, я осознаю, что моя одержимость мужем и отношениями в принципе как-то... себя изжила.

Сейчас я понимаю, что былой влюблённости не наблюдалось уже давно. Только я всё продолжала держаться за мнимое спокойствие и уверенность в правильности происходящего из-за наличия штампа в паспорте.

Даже к лучшему, что мне пришлось так больно приземлиться прямо на задницу.

Потому что мой муж невыгодно проиграл первому встречному случайному любовнику.

От накала страстей в моей голове ярываюсь в солнечный Питер уже вечером в четверг. Понимаю всю тщетность ожидания: вряд ли он посещает увеселительные заведения перед рабочей пятницей.

Будь я чуточку самоуверенней, я бы постучала в дверь его квартиры – маршрут и адрес отпечатались на подкорках моего влюблённого воспалённого мозга навсегда. Но я так не могу. Проще убедиться, что он не ищет встречи, чем узнать это наверняка.

Я сижу в баре до часу ночи, медленно иду к Троицкому мосту, пристраиваюсь в стороне от толпы туристов и некоторое время наблюдаю за разводкой моста и тем, что происходит после. В прошлый раз я ни на что не обращала внимание. Только на руки мужчины, ласкающие моё тело в то время, как я целый час, а может, даже дольше, жадно и ненасытно целовала его. Похотливая самка Арина Сергеевна!

До гостиницы решаю дойти пешком. Тёплая и светлая ночь, много людей на улицах, музыка в моей голове и застывшее громадным комом в центре моей грудной клетки предвкушение нашей встречи. В которую я всеми разумными силами и доводами стараюсь не верить, чтобы не разочароваться.

Когда я успела занять мозги двадцатилетней Смurfетты? Будет сильный и заметный мужчина под сорок просиживать штаны в баре в ожидании случайно снятой как-то пятничным вечером девицы?

Глупая-глупая Арина Сергеевна тридцати лет от роду! Самой себе не ври – Игорь не придёт. Завтра ты убедишься в этом, и мозги начнут функционировать в нужном русле.

Чтобы скоротать время до вечера, я покупаю билет в Эрмитаж. Крайний раз я бывала здесь лет пятнадцать назад. Да и то бывший на тот момент будущий муж на школьной экскурсии взволновал меня больше предметов искусства.

Ближе к вечеру меня охватывает мандраж. Вдруг он придёт? Что это будет значить? Как поведёт себя? И как мне вести себя с ним?

Разве не будет чересчур очевидно, зачем я вернулась в Питер?

Чёрт! А вдруг он ходит каждую пятницу именно в этот бар, и его приход не будет значить ровным счётом ничего?

Я дохожу до такого состояния, что готова просто пойти на вокзал и уехать домой на ближайшем поезде. Но я же себя знаю: расклеюсь от гложащих меня сомнений. Вдруг он придёт, чтобы увидеть именно меня?

Пока не узнаю ответа на этот вопрос, не успокоюсь.

Заставляю себя вернуться в гостиницу и привести себя в порядок. Сегодня я готовлюсь к встрече: на мне соблазнительное бельё, очаровательное платье с юбкой-колоколом и удобные туфли на высоком каблуке. С собой я беру лишь небольшую сумочку-клатч, в которую как раз помещаются мои телефон, наушники, крохотный внешний аккумулятор на три полных зарядки, три провода – для каждого из устройств, и банковская карта.

После недолгих раздумий туда же отправляется красная помада. Ай-яй-яй, Арина Сергеевна, запрещённые приёмчики в действии?

К тому моменту, как я дёргаю на себя дверь бара, меня лихорадит уже от собственной офигенности и самоуверенности. Такими темпами да после бокальчика красного я отправлюсь прямиком на его адрес!

Но всё ещё надеюсь, что он придёт. Поправка: ко мне придёт. Ради глупой и наивной меня придёт.

Я сажусь у барной стойки и потягиваю безалкогольный коктейль.

От напряжения в ушах звенит. Плохой знак. Очень-очень плохой. Нужно расслабиться.

Я уже подумываю перейти на вино, как вдруг слышу рядом: «Добрый вечер. Могу ли я угостить вас?..» Смотрю с досадой на молодого парня. Он явно обращается ко мне.

– Прости, пацан, – усмехается позади голос, от которого молниеносно скручивается тугой узел желания внизу моего живота. – Эта женщина моя.

Кажется, единственная мысль, что бьется в моей голове: пришёл, пришёл, ради меня пришёл! Но её быстро заглушает следующая: его, его, его женщина!

12. Питер

Арина Сергеевна Скворцова, зарегистрированная в московском Курьяново, прочно засела в моей голове. Каждая мысль отправляла меня к ней. Она поселилась в моих снах – развратных и откровенных. Каждое утро я поднимался со стояком, клял себя на чём свет стоит и принимал бодрящий душ.

Желания трахать других женщин, напротив, даже близко не возникало.

Я дал себе и Арине Сергеевне ещё две пятницы.

Если в одну из этих двух пятниц Арина Сергеевна не будет сидеть на высоком барном стуле в ожидании меня, а моё наваждение не развеется, я отправлюсь в чёртово Курьяново и ворвусь в её размеренную московскую жизнь.

Зачем мне это надо, я до сих пор не могу понять. Но надо. До ломоты в зубах. До хруста в сжатой челюсти. До потемнения в глазах.

Я смешон? Да ради Бога! Подумаешь, встретил страстную и темпераментную женщину. Таких, уверен, и в Питере завались. Но мне нужна именно та, а не какая-то другая. Я до зубового скрежета хочу снова увидеть её. И до свербящих нервов – раздеть.

Это неуёмное желание сводит меня с ума. Несвойственный мне голод зудит, концентрируя дурную кровь в одном месте. Которое, кажется, просто взорвётся однажды утром. Или переболит?

В первую пятницу, оставшуюся из двух согласно договору с собственной совестью, без особой веры в успех я паркуюсь на набережной и иду в тот самый бар.

Намеренно расслабляюсь, размеренно дышу, думаю, что даже задержусь здесь и поужинаю. Передо мной к барной стойке, минуя все столики, идёт парень. Я ещё не вижу, но точно знаю куда. К кому. Все мои органы чувств работают сейчас на износ, а невидимые нити натягиваются в одном единственно-верном заданном направлении.

– Добрый вечер, – говорит ей парень. – Могу ли я угостить вас?

Она поворачивается и смотрит на него. И не отказывает. Долго. Мучительно долго. Решает? К чёрту!

– Прости, пацан, – нервно усмехаюсь я. – Эта женщина моя.

Арина медленно поворачивается на мой голос. Губы, покрытые красной помадой, растягиваются в соблазнительную улыбку, изящная бровь изгибается в удивлении дугой.

– Твоя? Так это, оказывается, так работает: пришёл, увидел, победил?

– Ага, – я наклоняюсь и разглядываю её лицо. – Ну здравствуй.

– Здравствуй, Игорь.

Одного быстрого беглого взгляда девушки на мои губы достаточно, чтобы я обхватил рукой её шею и притянул к себе для жадного и несдержанного поцелуя.

То, что испытываю в этот момент, не могу анализировать. Просто не могу. Кажется, будто впервые сделал глоток воды после трёхнедельной засухи. Или глотнул шотландский виски после длительной завязки. Крышу сносит. А меня ведёт. Я бессовестно запускаю руку в её волосы и прижимаю её к себе, чтобы не смогла оторваться, даже если очень захочет.

Но когда она сжимает мои бёдра своими ногами, между которыми я стою, я вынужден прерваться. Внезапно вспоминается, где мы находимся. Внезапно я понимаю, что моя рука уже норовит нырнуть под её пышную юбку.

– Ты голодна? – выдыхаю ей в лицо, тяжело дыша.

– Можем заказать доставку чуть позже, – шепчет она, прикусывая нижнюю губу.

– Идеальный план, – мои губы расплзаются в улыбке. – И, Арин, вынужден извиниться.

– За что? – удивлённо спрашивает девушка.

– Я снова не угощу тебя вином.

Под её звонкий смех я расплачиваюсь по счёту, беру за руку долгожданную гостью и веду до парковки. Кажется, я не выпускаю её руки до самого дома. А по дороге от тачки до парадной вдруг спохватываюсь.

– Арин, ты без вещей что ли приехала? Где твой рюкзак?

– В гостинице, – она пожимает плечами. – Я ещё вчера приехала...

Вчера! Вчера приехала! Приехала, а ко мне не пришла. Лучше бы решилась! Лучше бы избавила меня от мучений ещё вчера!

– Только деньги зря потратила, – усмехаюсь. – В следующий раз не оплачивай номер. Это же бесполезно!

– А ты крайне самоуверен, как я погляжу? – она закатывает глаза, но при этом довольно улыбается. – С чего взял, что следующий раз будет?

– Будет, Скворцова Арина Сергеевна из Курьяново, – я подхватываю её на руки и распахиваю массивную железную дверь, – обязательно будет.

И как она не пытается скрыть смущение, но у неё не выходит.

Я перескакиваю через две ступеньки, в нетерпении распахиваю дверь квартиры и только там опускаю её на пол.

– С возвращением домой, – шучу я, смыкая руки в кольцо вокруг тела девушки.

И наконец целую так, как отчаянно желал долгие, бесконечные три недели. От прикосновений тонких холодных пальцев к моей обжигающе-горячей коже искрит. Всё моё тело накалено и напряжено. Я словно снаряд, выпущенный из пушки. В полной боевой готовности рассекаю вселенную по заданной траектории полёта к единственной невысказанной цели.

К этой женщине.

Моей выдержки хватает лишь добраться до спальни и быстро раскатать тонкий латекс. Арина дрожит в предвкушении, пытается непослушными пальцами расстегнуть мою рубашку, развязать узел галстука, но бросает это занятие.

Сейчас мы сделаем это быстро, оголив лишь самые значительные отличительные признаки между нами.

Потом я сделаю всё правильно. Поцелую каждый миллиметр, каждый плавный изгиб её тела.

Но сейчас я несдержанно врываюсь в её жаркое лоно, ловлю губами вскрик и глотаю стоны, заблудившиеся в поцелуях.

– Я ждал тебя, – шепчу ей еле слышно, едва отхожу от шума в голове после ошеломительного оргазма.

– Я вернулась, – отвечает она так же тихо. – Не думала, что вернусь, до последнего не собиралась, и тем более не была уверена, что ты будешь ждать...

Я раздеваюсь сам и раздеваю её. Кончики пальцев покалывает от утолённой жажды удовлетворения – я так долго ждал этого момента! Покрываю неторопливыми поцелуями лицо,

шею, ключицы. Обхватываю ладонями роскошные груди и прохожусь по ним языком. Чёртово наслаждение простреливает во мне. Слишком сладко. Нереально.

Арина льнёт ко мне, к моим губам, упрашивая, умоляя. Теперь всё иначе. Теперь я делаю всё медленно, доводя её до полного иступления. Раз за разом наслаждаюсь видом её взрывного, пьянящего удовольствия. И лишь потом позволяю себе отправиться вслед за ней: когда она оказывается снова верхом на мне и пульсирует, туго обхватывая мою плоть.

Позже она сидит в моей рубашке посреди кровати и торопливо ест палочками горячую лапшу прямо из коробки.

– С утра нужно забрать твои вещи, Арин.

– Хорошо, – не спорит она. – Заберём.

– Чем хочешь заняться завтра?

– Хочу, чтобы ты показал мне какое-либо новое, невероятно красивое место, петербуржец, – она пожимает плечами.

– Это слишком лёгкая задача, туристочка!

Когда с едой покончено, я несу её в душ. Скольжу руками по её телу, размазывая гель для душа. Заигрываю. Воспламеняю. И она отвечает мне тем же.

В моей голове выстраивается идеальный план на завтрашний день. Я уверен, что поездка сразит наповал эту любознательную особу.

Но среди ночи раздаётся звонок, который меняет мой план, внося коррективы.

13. Москва

Я просыпаюсь от того, что слышу громкий стук. Что-то падает на пол... совсем рядом со мной. Открываю глаза и с удивлением вижу перед собой мальчика. От неожиданности встаю и разглядываю его. Он очень похож на своего отца.

Смотрит на меня огромными круглыми глазами. Пугается и ойкает.

– Вы – принцесса? – спрашивает шёпотом.

– А ты – Миша? – уточняю я.

– Да. А вы?

– А я – Арина.

Дверь в комнату открывается, заглядывает Игорь.

– Мишка! Я же тебе велел не ходить в спальню, разбудишь...

– Доброе утро, – машу ему и подтягиваю выше одеяло.

Неловкая ситуация. Очень-очень неловкая. На мне, кроме футболки этого мужчины, ничего нет. Ну вообще ничего. А футболка едва доходит до середины бедра.

– Она сама проснулась, пап, – говорит ему сын, и я часто киваю головой.

– Ну смотри у меня, – добродушно улыбается Игорь.

Он подходит к кровати, садится рядом, целует меня в макушку, делая ситуацию ещё более неловкой.

– Это мой младший, Мишка, – говорит мне. – Мишаня, это – тётя Арина Сергеевна, волшебная принцесса, чьё сокровище ты нашёл под кроватью.

– Я так и знал, – отвечает мальчик и садится рядом с другой стороны. – Вы очень красивая, тётя Арина Сергеевна.

– Спасибо, Миша. – прыскаю я и бросаю быстрый взгляд на Игоря.

– Ладно, Мишка, давай оставим Арину одну, девочкам, в отличие от мальчиков, нужно немного больше времени на сборы перед завтраком, – он подмигивает мне и забирает сына.

Я падаю обратно на подушку и закусываю губу. Что происходит? Что, блин, происходит? Игорь словно читает мои панические мысли, потому что снова заходит в комнату, плотно прикрывает дверь и садится рядом.

– Прости, что он разбудил тебя. Я не усмотрел, не заметил, когда он улизнул. Мишка просто не утерпел, очень хотел увидеть тебя.

– Боже, это так неловко! Прости, сейчас я соберусь и уеду в гостиницу. Ты должен был сказать ещё вчера, я бы уехала сразу!

Он обхватывает моё лицо руками и прижимается лбом к моему.

– Арин, моя бывшая жена недавно родила дочку. Ночью у малышки поднялась температура, им пришлось уехать в больницу, а Олег, муж Марины, в отъезде. Я поехал и забрал пацанов. Они знают, что ты у меня в гостях. Всё в порядке. Наши планы не меняются. Мы

поедем гулять. Просто мои дети присоединяются к нам. Это на несколько часов, пока Олег не вернётся домой. Вечер и ночь останутся нашими.

Я смущена. И он чувствует это. Целует меня мягко, нежно, невесомо. А потом углубляет поцелуй. Отстраняется, стоит мне лишь расслабиться. Лихо улыбается мне.

– Конечно, у меня были несколько другие планы, – как бы невзначай проводит рукой по моей груди. – Тем слаще будет ожидание...

Он сжимает сосок двумя пальцами и прикрывает глаза.

– Мне правда неудобно, Игорь, – разрываю я этот возбуждающий момент. – Думаю, мне стоит вернуться в гостиницу. Если ты освободишься, то мы можем встретиться вечером. Если нет, ничего страшного. Я всё понимаю, ты проведёшь время с детьми, и я не должна вам мешать.

– Арин, мы заберём твои вещи и погуляем. Все вместе. А к вечеру я что-нибудь придумаю. Не думай, что ты как-то можешь помешать мне общаться с сыновьями, когда это совсем не так, ладно?

Я не думаю, что это хороший план. Я знаю, что должна настоять и уехать одна, чтобы он спокойно занимался своими детьми, но просто киваю мужчине. Киваю и почти проклиная себя за это.

Перед завтраком я знакомлюсь с Никитой, старшим сыном Игоря. Этот мальчик тоже похож на отца. Высокий симпатичный подросток. Он мажет по мне любопытным взглядом и возвращается к игре в своём планшете.

Я не обязана ему нравиться. Более того, я не хотела, чтобы его дети или близкие столкнулись со мной, случайной «подружкой на ночь» Игоря; предоставь он мне выбор, я бы предпочла избежать этого. Но выбора он мне не оставил.

Проходя мимо, бросаю взгляд на экран и улыбаюсь. Я знаю эту игру. Мне кажется, любой родитель её знает.

– Сколько у тебя пэтов, Никита? – спрашиваю у парня. – Есть легендарные?

Игорь внимательно смотрит на меня, а потом переводит взгляд на сына. Тот отрывает голову от экрана и улыбается мне.

– Пять обычных, три ультра-рарных, один легендарный Кицунэ.

– Прикольно, – улыбаюсь в ответ, прищуриваясь. – Донатишь?

– А вы? – прищуривается он в ответ.

– Ага, – широко улыбаюсь парню. – Моя... – запинаясь и улыбка на мгновение гаснет, но я беру себя в руки и продолжаю, – дочь недавно получила Ти-Рэкса, но мечтает о Кицунэ. Мы периодически вбрасываем и пытаем удачу.

– Класс! Арин, какой у неё ник? Добавлю в друзья. Я могу подарить ей своего Кицунэ, всё равно ищущего Злого Единорога.

Он протягивает мне планшет, и я быстро нахожу среди пользователей свою дочь.

– Ого! Она неслабо прокачена!

– Да, это точно, – смеюсь я, но вздрагиваю и напрягаюсь, потому что Игорь притягивает меня к себе.

– Всё, ребята, – говорит он своим сыновьям, – пора завтракать. Уверен, Арина Сергеевна уже проголодалась, а вы, гаврики, можете бесконечно сидеть в играх и питаться святым духом.

Его мальчики уходят в кухню, а он разворачивает меня и целует. Этот поцелуй другой. Почти целомудренный. Не разжигает страстного огня между нами, но пугает меня куда больше.

– Пойдём, Арин. Я сварил тебе кофе, стынет.

Пока мы едим, Игорь спорит с сыновьями, куда лучше меня отвезти, что интересного мне показать, где меня выгулять. Не понимаю, зачем он всё усложняет? Зачем делает таким личным? Зачем показывает детям характер наших отношений?

Отношений, которых нет и не может быть.

Я выкраиваю минутку и спрашиваю напрямую.

– Почему ты не разбудил меня, когда поехал за детьми?

– Ты так сладко спала, что я просто не мог, – усмехается он. – Это было бы настоящим преступлением.

– Ты должен был отправить меня в гостиницу. Сомневаюсь, что ты показываешь детям всех случайных женщин, Игорь.

– Дело уже сделано, Арин, – говорит, пытаясь сохранить серьёзное лицо, но задорная улыбка всё-таки прорывается. – И я был прав, ты нравишься моим детям.

– Ты должен был спросить...

– Чтобы ты сразу отказалась? Чтобы сказала, что это – слишком личное? Я ждал тебя три недели, Арин. Поверь, последнее, чего я хочу, так это потерять целый день в твоей компании из-за сложившейся ситуации.

– Игорь, я же могу больше никогда не приехать! Не стоило впутывать в это детей. – пытаюсь достучаться до него. – Серьёзно. Я и сейчас не должна была приезжать. Просто не смогла удержаться.

– Ты, конечно, можешь и не приезжать, но ведь хочешь совсем не этого. И я хочу. – Игорь упрямо притягивает меня к себе и быстро целует. – Ты, главное, помни, Арин: я буду ждать тебя. А когда мне надоест тебя ждать, я приеду и возьму тебя сам.

– Ты не можешь вторгаться в мою частную жизнь, – слабо сопротивляюсь, чувствуя себя побеждённой.

– Могу, Арин. И буду. Потому что я уже в твоей жизни. А ты – в моей. И никуда нам от этого не деться.

Это весьма сомнительное заявление, но он умеет убеждать. Вероятно, мой рассудок помутился, но я улыбаюсь мужчине, сияя, как новогодняя ёлка.

Безнадёжно. Заведомо провально. Отношения двух незнакомцев. На расстоянии семисот километров. С багажом прошлого. Без перспектив на будущее. Полный провал!

– Будет тяжело, Арин. – Снова читает мои беспокойные мысли мужчина. – Очень тяжело. Невыносимо. Но я просто не могу позволить тебе отказаться от этой затеи. Думай, что хочешь, но я хочу тебя. Тебя, Арин.

Не знаю, почему, но я киваю, безропотно принимая его позицию.

Хотя...

Знаю, но не хочу признавать, даже мысленно. Не хочу называть это чувство на букву «л».

14. Питер

Из гостиницы Арина Сергеевна выходит в джинсовом сарафане, рваной футболке и кедах. В ней снова нет ничего от роковой обольстительницы. Перед нами скорее молодая девочка, чем мать десятилетнего ребёнка.

Я подхватываю её рюкзак и укладываю в багажнике, помогаю ей разместиться на переднем пассажирском и не могу сдержаться, чтобы не погладить её бедро вдоль короткой джинсовой ткани.

– Ты ошеломительно прекрасна! – шепчу ей в ухо, пробегаюсь языком по мочке и пристёгиваю ремень безопасности.

Она тиха всю дорогу. Я знаю, что ей не нравятся условия, в которые я её поставил. Знаю, что, в большей степени, поступил некрасиво, когда не оставил ей выбора. И знаю, что она права. Но я хочу, чтобы она ошибалась.

Хочу её. Это неизбежно. Знаю свой упёртый характер. Всегда получаю то, чего хочу. Поэтому не оставляю ей выбора. Поэтому беру нахрапом. Сотру все сомнения. Мы справимся. Арина Сергеевна будет моей, потому что хочу я именно её. А она хочет меня. Иначе не вернулась бы. В этом я точно убеждён.

Я неспешно держу маршрут по Приморскому шоссе. Поначалу Арина напряжённо прислушивается к происходящему в салоне, но потом – всё больше смотрит на синеватую гладь залива, периодически появляющуюся с моей стороны, перехватывает мои взгляды и расслабляется. Отпускает тревоги, сковывающие её. И пусть до полного умиротворения далеко, но первый шаг уже сделан.

– Пап, я пить хочу, – подаёт голос Мишка.

– У тебя есть вода.

– Я не могу открыть.

– Попроси Никитоса.

– Он спит, пап.

– Давай, я открою, – говорит Арина, поворачивается и берёт у моего сына бутылку.

Крутит в руках, но крышка не поддаётся. Девушка вздыхает. Какая же она маленькая и хрупкая! Даже со своими растяжками и целлюлитом.

Усмехаюсь, а ведь я так и не обнаружил на её теле ни того, ни другого. Какой невнимательный!

– Что? – сердито спрашивает она. – Я не виновата, что они так припаяли этот пластик!

– Не виновата, – улыбаюсь ей, – сейчас остановимся на заправке, и я открою.

В Приморске Арина долго рассматривает кирху – протестантский храм Марии Магдалены, а ныне – Краеведческий музей. Она томно вздыхает и жмурится от удовольствия.

Мишка ошалело носится вокруг неё, запуская свой пенопластовый самолёт. Иногда они с Ариной перебрасываются фразами и улыбаются, довольные друг другом.

Никита садится в тени дерева и погружается в виртуальный мир, но его взгляд тоже периодически возвращается к этой женщине, которая сумела подобрать ключик к моему двенадцатилетнему сыну, ничего для этого не делая, просто проходя мимо. Пара фраз, не имеющих для меня особого смысла, и он безоговорочно принял Арину.

А сам я наблюдаю за ней и думаю.

Думаю, в частности, о том, как всё странно происходит в этой жизни. Меня абсолютно устраивало размеренное течение моей. Я давно привык жить между двумя городами, периодически навещать мать, детей и Марину, снимать сексуальное напряжение по возможности пару раз в неделю и не страдать всякой хернёй.

И зачем, спрашивается, создавать сложности на пустом месте? Зачем мне нужны отношения, тем более, отношения на расстоянии? И что это будут за отношения? Безумный, горячий и страстный секс?

Она права. Я никогда не знакомил детей с кем бы то ни было. Я никогда не звал Софию на праздники, никогда не сводил две параллели своей жизни в общих точках соприкосновения.

Так почему, спрашивается, я даже на мгновение не задумался, что мне делать с гостьей, которая спала в моей футболке в моей спальне? Она задрожала и забавно сморщила нос, когда я разомкнул объятия и вылез из постели, чтобы ответить на звонок, стараясь не разбудить её. Почему я лишь укутал её в одеяло и даже не задумался о том, чтобы отправить её в гостиницу перед приездом детей?

Что ж, вынужден признать, три недели душевных терзаний и бесконечного потока мыслей о моём неуёмном желании обладать этой женщиной сделали своё дело. Я окончательно свихнулся. Сошёл с ума. Это очевидно.

Потому что я подхожу к сыну, сажаю Мишку на плечи, подхватываю Аринину руку и переплетаю наши пальцы.

– Никитос, идём до Каменного пирса, – кричу старшему сыну и обращаюсь к своей воплотившейся фантазии. – Идём, Арин, тебе там очень понравится.

Веду её по зелёной живописной аллее в сторону залива, прошу Никиту сделать несколько снимков, сам фотографирую своих детей и Арину и чертовски не хочу, чтобы этот день заканчивался.

Для обеда мы, посоветовавшись, выбираем уютный итальянский ресторанчик. Пока ждём свои блюда, мой старший сын снова уходит с головой в свою игру. Мы с Ариной сидим рядом, дети – напротив. Ожидая заказ, я поглаживаю под столом её ногу. Пробегаюсь пальцами от колена вверх, замираю на границе джинсовой ткани, медленно возвращаюсь обратно.

Арина игриво смотрит на меня, прикусив нижнюю губу. Мне хочется поцеловать её. Но только я тянусь для осуществления этого правильного желания, как в игре Никитоса раздаётся звоночек, и он отвечает на него.

– Эм, привет? – слышится тихий голос. – Ты правда просто так хочешь подарить мне Кицунэ?

Арина бросает изумлённый взгляд на моего сына.

– Катя? – вырывается у неё, но она тут же закрывает рот руками.

Моя забавная Арина Сергеевна, словно застигнутая на месте преступления, смотрит по сторонам, планируя свой побег. Я беру её за руку и прячу под столом, поглаживая ладонь девушки большим пальцем.

– Мама? – взвизгивает голос из игры.

Арина краснеет, неожиданно крепко сжимает мои пальцы. Неожиданно, мне очень приятно, что она ищет и находит поддержку во мне.

– Привет, Катюша, – после небольшой заминки говорит она. – Кажется, мечты сбываются, да?

Девочка смеётся. Её смех очень похож на смех самой Арины.

– Я не знаю, откуда у тебя, мама, Кицунэ и этот аккаунт, но если это правда, то я... Мам, да я английский на год вперёд сделаю за остаток каникул!

Я не могу сдержать смешок. Интересно, как она поступит? Я бы воспользовался ситуацией. Непременно. Такие обещания не должны звучать вхолостую.

– Нет, Катюша, – вздыхает Арина, думая, очевидно, о том же, о чём и я. – Я не имею к этому никакого отношения. Просто я... здесь в гостях... у друга, Катюша, а его сын Никита тоже играет. Так что, думаю, будет уместно, если ты поблагодаришь именно его.

– Хорошо, мам. Созвонимся попозже?

– Конечно, Катюш. Я позвоню тебе.

Арина так же внезапно расслабляется и отпускает мою руку.

– Эм... Никита? Привет, я – Катя, дочь Арины. Если ты серьёзно отдашь мне Кицунэ, скажи, чего хочешь ты? Я найду, знаю, где спросить...

Дети погружаются в странный разговор. Я не понимаю практически ни слова, зато Арина кивает, прислушиваясь, пока её не отвлекает Мишка.

– Тётя Арина Сергеевна, а ты познакомишь меня со своей дочкой? А то Никита с ней подружился, а я-то нет! Так нечестно!

Девушка бросает на меня быстрый взгляд, раздумывая над ответом. Я довольно ухмыляюсь, пока притягиваю её к себе. Исполняю то, чего давно хотел – целую эту странную девицу. Она смущается, но не пытается отпрянуть.

– Вот так действуют Щедрины, Арина Сергеевна, – шепчу ей в губы. – Берут и захватывают то, что считают своим.

– Я уже поняла, Игорь, – вздыхает она с напускной строгостью. – С тобой одним, уверена, я бы смогла совладать. Но целых три Щедрина – это слишком тяжёлая артиллерия против моих сил.

– Сдавайся, Арина Сергеевна, – опаляю дыханием её ухо, кусаю мочку, заигрываю языком с её серёжкой. – Как ты понимаешь, другого выбора у тебя просто нет.

Мне нравится, как она принимает поражение: с достоинством расправляет плечи, улыбается, берёт меня за руку, целует в уголок губ.

– Конечно, Миша, – отвечает она моему сыну, – скоро я познакомлю тебя со своей дочкой.

15. Питер

После обеда мы прогуливаемся по берегу Финского залива. Неугомонная Арина скачет по бульжникам вместе с Мишкой. Иногда я вынужден напоминать себе, что Арина Сергеевна – не ребёнок, а взрослая женщина. Уж больно тянет меня снять её с очередного прибрежного камня и отшлёпать, чтобы вела себя аккуратнее.

Но девушка ведёт себя осторожно, ступает бережно, с особой внимательностью придерживает моего младшего сына – всё-таки материнский инстинкт проявляется в самом малом. Даже мне, родному отцу, спокойно за сына. Знаю, что он в очень надёжных руках. Просто чувствую это.

– Пап, – тянет Никита, догоняя меня, – надеюсь, ты не облажаешься с Ариной? Она классная! И дочка у неё крутая, знаешь, как гамает? Огонь-девчонка.

– И что же, по твоему экспертному мнению, я должен непременно налажать? – с усмешкой спрашиваю у сына.

Дожил! Мой подросток-сын даёт советы в отношениях с женщинами!

– Пап, а то я не знаю, какой ты, – ухмыляется сын. – Мама всегда переживает, что ты не удержишь своё счастье просто потому, что боишься чувств. Сам посуди, у мамы Олег есть, а у тебя? Ты же впервые познакомишь нас с кем-то.

– Напомни, сынок, сколько тебе лет?

– Скоро тринадцать, пап, но это не столь важно.

– А я думаю, что очень важно, – отчего-то горько мне от этой беседы. – Я вас всегда берёг, с кем попало не знакомил. Это не значит, что было не с кем...

– Но познакомил нас именно с Ариной, – возражает сын. – Она тебе нравится, да?

– Мы слишком мало для этого знакомы. Это же не работает таким образом!

– Пап, да это именно так и работает. Вот я посмотрел на фотографии Катки, поговорил с ней и сразу понял – мне она нравится. Хорошая девчонка, интересы общие у нас есть, с ней здорово поболтать, она симпатная, кстати, ты видел её?

– Нет, – качаю головой, кажется, теряя суть разговора.

Мой сын влюбился? В дочку Арины? Серьёзно?

– Она очень на Арину похожа, а Арина... – он сдержанно смеётся, – ты и сам знаешь, какая у тебя Арина.

– Какая?

– Красивая, пап. Вот и Катя вырастет настоящей красавицей.

– Ты в неё влюбился? – не выдерживаю я.

– Пап, ну ты чего? Она мне понравилась. Возможно, я смог бы в неё влюбиться через некоторое время. Понимаешь? Я не боюсь этого. А ты? Арина тебе нравится, это понятно. Но ты готов влюбиться в неё?

Почему-то некстати вспоминается наше самое первое утро. «Обещай, что не влюбишься в меня». «Я тоже обещаю не влюбляться в тебя, Игорь».

– Я не верю в любовь, – на автомате отвечаю сыну.

– Вот, что и требовалось доказать, пап. Ты облажаешься. Считай, что ты своими руками разрушишь не только свои отношения, но и мои.

Он укоризненно качает головой и бежит прочь от меня. Догоняет Арину и своего брата и идёт с ними. Помогает то ей, то Мишке, они весело смеются втроём.

Мишка показывает что-то Арине и тянет её за руку. Огромный булыжник лежит сантиметрах в шестидесяти от кромки воды. Арина сбрасывает кеды, пробует босыми ногами воду и визжит от холода. С моих губ не сходит улыбка, когда она тащит Мишку на этот булыжник, забирается на него сама, и, вот, они стоят рядом. Мой младший сын и женщина, которая крепко сжимает его в своих объятиях, боясь, что он не устоит и свалится в воду.

Я подхожу к Никите. Старший сын делает несколько снимков.

– Всё, спускаемся, – говорит Арина и соскальзывает с камня в воду.

Возвращает Мишку на сушу, полощет ступни в воде и решает, как лучше поступить, чтобы не запачкать ноги.

Я подхватываю её кеды, а потом и саму девушку подхватываю на руки.

– Сейчас высохнут, Арин, – улыбаюсь ей в лицо.

Мои мальчики уходят вперёд, а я неторопливо иду с ней позади.

– Помнишь, Арин, – решаюсь я, – однажды ты взяла с меня обещание?

– Помню, – серьёзно отвечает она.

– Кажется, я скоро нарушу его, Арин.

В её глазах скапливаются слёзы, но она улыбается мне.

– Не надо, Игорь. В конце концов ты пожалеешь об этом.

– А ты? – смотрю внимательно, силясь понять, какая загадка скрывается в этой восхитительной женщине.

– А я – уже, – шепчет она и краснеет.

– Уже пожалела? – от неожиданности я останавливаюсь.

Неприятно признаваться даже самому себе, но слышать это её заявление мне мучительно больно.

– Что? – до неё доходит смысл моего вопроса, и она краснеет ещё больше. – Нет, конечно, нет! Я никогда не пожалею. Не сомневайся.

А до меня доходит смысл её ответа. «Уже».

Она уже нарушила обещание.

Она уже влюбилась в меня.

Думаю, именно в этот момент я должен бы включить все защитные функции: вот она, влюблённая женщина на моих руках, в меня влюблённая, а значит, заведомо посягающая на неприкосновенность уклада моей жизни, но случается ровным образом наоборот.

И чтобы закрепить это новое знание мне до зуда необходимо поцеловать её. Так, как я всегда целовал только её: глубоко, одуряюще сладко, несдержанно и торопливо. Я пытаюсь ухватить в коротком отрезке времени все её эмоции, сопоставить их с тем, что испытываю сам, решить, как я к этому отношусь.

Фигово признавать, но я тоже.

С треском провалил главную миссию своей жизни.

С лёгкостью нарушил данное ей обещание.

Я тоже влюбился.

Впервые в жизни.

Влюбился как юнец: отчаянно, до зудящих пальцев, до пульса под 140.

В Арину Сергеевну Скворцову из московского Курьяново.

16. Москва

Рабочая смена тянется до невозможности долго. Если бы не бесконечное множество сообщений, я бы лезла на стенку от смертной скуки. Да, я невыносимо скучаю по своему несносному Питеру.

«Арина Сергеевна, я сижу на очень важном совещании, но всё, о чём, могу думать – это какого цвета твои трусики сейчас», – читаю свежее и смеюсь.

Но очень быстро мне становится не до смеха, а сердце ускоряется до предела, когда он пишет: «Пришли фото, Арин. Я безумно скучаю».

И я, влюблённая до одурения, бегу к зеркалу, ловлю удачный ракурс и делаю фото. Отправляю ему с припиской: «Щедрину Игорю Аркадьевичу. Конфиденциально».

Жду ответа долго. Проходит минут сорок, прежде чем он снова пишет мне: «Прости, я не смог дождаться тебя. Позорно сдался и передёрнул в туалете на твою фотку, приостановив совещание. Ты такая горячая, Арин, что мне больно листать переписку».

Широко улыбаюсь. «Надеюсь, ты шутишь».

«Рад, что смог повеселить тебя. Самому мне было ни капельки не смешно, когда я пробирался за спинами своих сотрудников с каменной эрекцией».

«Надеюсь, ни у кого не возникло шальной мысли помочь тебе?»

Хмурюсь, едва вижу отметку о прочтении. Игорь – очень страстный мужчина, мне тяжело думать, чем и с кем он занимается, пока я так далеко.

«Арина Сергеевна, ты должна запомнить одну очень важную вещь: я не сторонник измен. Не забивай свою голову сомнениями. Я жду только тебя. Я хочу только тебя. Только ты делаешь меня твёрдым. Иначе не будет, это просто невозможно».

Мне хочется плакать, но я обхватываю колени руками и раскачиваюсь из стороны в сторону. К моменту, когда он звонит, я могу говорить относительно ровным голосом.

– Здравствуй, Игорь.

– Ну здравствуй, Арина Сергеевна, – говорит строго. – Не плачешь?

– Не плачу.

– Но близка к этому, – выдыхает он, а я оборачиваюсь.

Словно он стоит за моей спиной и видит всё. Мурашки пробегают вдоль позвоночника. Мистическая связь. Нереальная.

– Как тебе всегда удаётся так точно схватывать моё настроение? – вырывается раньше, чем я успеваю задуматься.

– Просто я люблю тебя, – говорит он со странным смешком. – Не накручивай себя, Арин. Я физически не способен на измену. Тебя хочу. Только тебя. Держусь на мыслях о нашей скорой встрече. Живу на воспоминаниях о тебе. – он тяжело вздыхает. – Не плачь, Арин, не надо. Я же звоню, чтобы поднять тебе настроение, а не вызвать слёзы.

– Я знаю, – хлюпаю носом. – Соскучилась я, Игорь. Очень. Как мы справимся?

– Как все. – отрезает он. – Хочешь, вечером устроим секс по видеосвязи?

– Хочу.

– В девять?

– Да.

– Не плачь, моя хорошая. Скоро мы встретимся. Я так тебя отлюблю, что ты ходить неделю не сможешь!

Его хриплый смех ещё долго звучит в моей голове.

Удивительно, как простое заверение в исключительности нашей связи, и простое убеждение, что наши невозможные отношения никоим образом не находятся под угрозой, позволяют мне продержаться до следующей встречи, насколько наполняют меня силой и верой!

После состоявшегося знакомства моей дочери с моим мужчиной и его сыновьями, которое он организовал полностью самостоятельно, мы не виделись практически целый месяц, и сейчас я особенно нуждалась в его поддержке.

Чтобы я могла знать, что не просто так вырвала своего ребёнка из привычного мира и окунула в совершенно другой, незнакомый, где мама счастливо улыбается отцу чужих детей, а не её собственному папе.

Для этой значимой для всех сторон встречи Игорь Щедрин щедро взял все организационные моменты и финансовые расходы на себя и пригласил нас в пригород Петербурга, в небольшой отель с красивой живописной территорией. Он рассудил здраво: сразу привести ребёнка в квартиру, где мы коротали дни и ночи наших встреч, практически не покидая спальни или пристраиваясь на любой горизонтальной или вертикальной плоскости, было в корне неправильно.

До отеля мы с Катюшей добирались на такси – на этом настояла уже я.

В целом, всё прошло хорошо. Даже более того. Кате очень понравились сыновья Игоря, но к самому мужчине она отнеслась настороженно, хотя он всячески пытался найти к ней подход и вообще был душкой, позабыв о диктаторских замашках и нервно сдерживая себя лишний раз от прикосновений ко мне.

Помощь и решение пришли неожиданно. Под вечер второго дня нашего пребывания в отеле, когда мужчина, по всей видимости, начал продумывать если не пути отступления, то сложный наполеоновский план по облегчению принятия моей дочерью наших отношений, хотя я и уверяла его, что всё в порядке и Катя не собирается выдвигать никаких ультиматумов, а он продолжал мрачнеть – ведь его сыновья легко сошлись со мной с первых минут знакомства, Никита потащил Мишку и сопротивляющуюся Катюшу на кинопоказ.

– Я не пойду, спасибо, – сказала моя дочь и выразительно посмотрела на меня.

Я уже хотела встать на её сторону, как Никита подошёл и положил руку ей на плечо.

– Кать, ты чего боишься-то? Я тебя не оставлю, за Мишкой вместе присмотрим. – сказал ей мальчик. – Поболтаем.

А потом и вовсе надавил.

– Идём, Кать, что ты как маленькая? Родителям тоже нужно вдвоём побыть.

Катя от намёка покраснела. Конечно, в свои почти одиннадцать лет она уже примерно знала, зачем родители остаются наедине. Подробности отношений между полами открыто не интересовалась, но что-то знала наверняка. Иначе в век продвинутых информационных технологий невозможно. Дочь бросила на меня беспомощный взгляд, и моё сердце дрогнуло. Я открыла было рот, да так и закрыла.

Игорь уверенно пересёк расстояние между нами, встал за моей спиной и обвил руками, крепко прижимая к себе, отсекая все пути назад. Он упёрся подбородком в моё плечо, попутно целуя в висок, и протянул детям несколько купюр.

– Мороженое, пирожные, лимонад, чипсы, – прокомментировал он, – чтоб фильм смотреть интересней было. Ждём вас через два часа. В парк поедem, на аттракционы.

– А вы со мной на американские горки ходите? – прощупала почву Катюша. – Мама сама боится, а одну меня не пустит.

– Конечно, Катюш, – улыбнулся Игорь и наконец расслабился. – На любой аттракцион. Я схожу с тобой, а мама пусть и дальше боится.

Катя ему тоже улыбнулась. Вполне дружелюбно. А потом дети ушли, и у меня случился самый пламенный и страстный двухчасовой секс в моей жизни. Игорь сомневался, что нам удастся ещё раз выкрасть время наедине, поэтому брал, брал и брал, не забывая щедро одаривать.

Смотреть в глаза дочери мне было стыдно, но она сама пошла навстречу и шепнула: «Он классный, мам! И ты такая счастливая с ним!» И я тоже наконец смогла окончательно расслабиться.

17. Москва

По возвращении с Петербурга мы с Катюшей сразу улетели в отпуск, в Крым, к её бабушке и дедушке со стороны отца. Мои свёкры всегда тепло относились ко мне, сына не оправдывали, мою обиду понимали.

Десять дней я изнемогала от желания быть сейчас в другом месте... или здесь, но в компании другого человека. Игорь порывался прилететь на выходные, но я не решилась. Всё-таки сбежать из дома свёкров к своему новому мужчине мне совесть не позволила, да и Игоря я не спешила вводить в свою жизнь, подозревая, что мои близкие моих новых отношений принять не смогут.

В противовес поспешному отказу с моей стороны мужчина скупой поинтересовался: «Почему?» Ответила честно: мы гостим у бывших свёкров. Бывших для меня. Для Катюши они навсегда останутся любящими и любимыми родственниками.

– Надеюсь, твой муж не планирует к вам присоединиться? – совсем уж сухо и отстранённо спросил Игорь.

– Насколько мне известно, нет. – торопливо бросила я. – Но, как ты понимаешь, мой бывший муж не обязан ставить меня в известность, если решит навестить своих родителей.

– Понимаю. – был мне ответ.

Он молчал следующие три дня, а я успела прорыдать две ночи, проклиная свою нерешительность. Не в том я положении, чтобы думать о том, кто и что обо мне подумает и как всё это выглядит со стороны. Мы и так слишком далеко друг от друга, чтобы отказываться от возможности встретиться из-за бессмысленных страхов!

Я накрутила себя до чёртиков. Но под вечер третьего дня Игорь позвонил.

– Ну здравствуй, Арина Сергеевна, – устало сказал в трубку. – Прости, что пропал. Сидел в Сургуте без связи, произошла авария на вышке оператора. Как ты? Скучаешь?

– Здравствуй, Игорь! Конечно, разве может быть иначе? – я всё-таки расплакалась.

– Не плачь, моя хорошая. Скоро мы встретимся. – уверенным тоном успокоил меня мужчина. – Когда ты возвращаешься?

– Тридцать первого я прилечу в Москву. – вздохнула я. – И ещё две недели буду безвылазно сидеть и работать. Я смогу приехать не раньше понедельника, это будет уже семнадцатое, дня на два, но там – работаешь уже ты...

– Не грусти, Арин, ладно? Я улажу все дела, и что-нибудь придумаем, ладно? Дай мне немного времени, моя хорошая, и мы всё решим.

Тридцать первого июля, едва я вошла в квартиру, в дверь позвонили. Мой бывший муж, не стеснясь эпитетов, разглагольствовал на тему моего помешательства. Я молчала, потому что с кем с кем, а с ним я точно не собиралась обсуждать свою любовь.

Всё оказалось до банального просто: Катюша рассказывала бабушке про поездку в Санкт-Петербург, несколько раз упомянула мальчиков и таинственного «дядю Игоря». Свекровь взболтнула сыну. И вот он появился здесь. С какой целью – мне было непостижимо. Развелись мы без препирательств сторон, полтора года назад, теперь никакими обещаниями связаны не были, только – совместным ребёнком.

Возможно, мне удалось бы отмолчаться, но тут в дверь позвонили вновь. Муж распахнул дверь и удивлённо уставился на курьера с огромной корзиной красных роз.

– Скворцова Арина Сергеевна тут проживает? – спросил парень, и я отмерла.

Приняла цветы, улыбнулась для фотоотчёта, спрятала в карман конверт с посланием: читать при бывшем слова, которые заставят меня улыбаться и светиться от счастья, я не собиралась.

– Офигеть, блин! Он тебе ещё и цветы заказывает, – взорвался тот самый бывший. – ты просто ненормальная, Ариша! Зачем ты это делаешь? Как ты планируешь всё решить, когда...

– Отстань ты от меня, Бога ради! – не выдержала я. – Я влюбилась, ясно? Чего ты постоянно лезешь ко мне? Ты хотел свободы, ты её получил. Зачем ты снова и снова цепляешься ко мне? Зачем ходишь и предлагаешь заняться сексом? У меня другой мужчина. Я счастлива, ясно? Невообразимо, до безобразия счастлива с ним.

– Дура ты, Аришка! Я же люблю тебя.

– Да что ты? – в неверии посмотрела на него огромными глазами. – Когда любят, не останавливаются перед препятствиями.

– То есть его ничего не останавливает? – скептически усмехнулся бывший.

Я не успела ответить. Не дождавшись от меня сообщения, Игорь сам мне позвонил, и я сняла трубку.

– Арина Сергеевна, я не угодил? – усмехнулся в динамик телефона. – Судя по твоему молчанию, розы тебе не по вкусу пришлись?

– Розы шикарные, спасибо, – улыбнулась в ответ. – Не очень удобно говорить.

– Да ты не стесняйся, – пробурчал бывший.

Тихо, но Игорь слышал.

– Ты не одна, – заключил он.

– Бывший муж заехал обсудить планы, когда нужно забирать Катюшу от родителей и всё такое...

– Узнал про меня? – со смешком спросил мужчина.

– Да, – поморщилась я. – Прости, не хотела, чтобы ты напрасно переживал.

– Он обидел тебя?

– Нет, разве он может? Просто меня невероятно злит, что он лезет в мою жизнь, когда единственное, что нас связывает – это наш ребёнок.

– Он просто понял, что идиот, раз отпустил тебя. – вздохнул Игорь и рассмеялся. – Но мне крупно повезло, что он такой идиот.

– Я скучаю, – шепнула в трубку.

– Я тоже, моя хорошая.

– Наберу чуть позже по видеосвязи, хорошо? Только выставлю его из квартиры.

– Буду ждать, Арин.

Тем вечером у нас случился первый секс по видеосвязи. Поначалу мне было стыдно, но хриплый мужской голос стирал расстояние, окутывая моё тело истомой желания, и вскоре я ласкала себя, а он умело дирижировал моими руками, пока я не выгнулась с громкими стонами, а сам мужчина не оросил семенем простынь рядом со своим сильным телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.